

Алхасов Алыш Алхасович

КРИТИКА МАКСИМ ШЕЛЕРОМ КАНТОВСКОГО ФОРМАЛИЗМА В ЭТИКЕ

Статья посвящена критике М. Шелером формализма в этике И. Канта. Построение новой теории ценностей на феноменологической базе разворачивается на фоне критического анализа предпосылок или, как их называет сам М. Шелер, мифов или заблуждений теоретической философии и формальной этики И. Канта, которые закрывают путь к учению о чистой аксиологии. Критика формализма в этике представляет собой базу для создания собственно аксиологической доктрины, которая открывает по-новому ценностный и эмоциональный мир человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/5.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. II. С. 32-35. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

ACTIVITY OF THE SOVIETS OF VORONEZH REGION FROM MARCH 1921 TILL 1922

Aleksanyan Nelli Arushanovna
Voronezh State Pedagogical University
edelweis65@yandex.ru

The article deals with the activity of the Soviet authorities of Voronezh region from March 1921 until the end of 1922. The influence of New Economic Policy that was approved by the peasantry on the change of the conditions of the activity of the local Soviets is studied. The results of the measures taken to strengthen the Soviet power and to optimize the structure of the machinery of the Soviets are noted. The connection between the results of the elections and the procedure of the positions filling in the local authorities (village Soviets and Volost Executive Committees), and the impact of the difficult economic situation in the country on their financing are revealed.

Key words and phrases: banditry; elections; deputies; congress; executive committees; food tax.

УДК 17.022.1

Философские науки

Статья посвящена критике М. Шелером формализма в этике И. Канта. Построение новой теории ценностей на феноменологической базе разворачивается на фоне критического анализа предпосылок или, как их называет сам М. Шелер, мифов или заблуждений теоретической философии и формальной этики И. Канта, которые закрывают путь к учению о чистой аксиологии. Критика формализма в этике представляет собой базу для создания собственно аксиологической доктрины, которая открывает по-новому ценностный и эмоциональный мир человека.

Ключевые слова и фразы: М. Шелер; И. Кант; этика; аксиология; ценности; материальная этика ценностей; эмоциональное априори; материальное априори.

Алхасов Альш Алхасович

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
alysh_alkhasov@mail.ru

КРИТИКА МАКСОМ ШЕЛЕРОМ КАНТОВСКОГО ФОРМАЛИЗМА В ЭТИКЕ[©]

Создав свою этическую систему, И. Кант решил одну из важнейших задач, стоявших перед этикой, – проникнуть в *априорную* природу морального суждения, воплощенную, по его убеждению, в категорическом императиве, который освободил этику от эмпирической и описательной зависимости от трудно предсказуемых целей и результатов человеческого действия. Но этика И. Канта осталась чисто формальной, лишённой какой бы то ни было связи с содержательными ценностями и потому неспособной проникнуть в их природу, постичь их ранговый порядок как материальную априорную структуру.

С появлением произведения «Формализм в этике и материальная этика ценностей» М. Шелера открылась настоящая перспектива для построения неформальной, материальной (содержательной) этики ценностей. Каков бы ни был вклад философов в решение этой задачи после М. Шелера, но именно шелеровской этике суждено было быть первой, построенной на фундаменте содержательных (материальных) ценностей, объективно данных *a priori*, именно ей суждено было охватить воедино ценности и нравы, постичь содержание благ и добродетелей в их многообразных оттенках и иерархиях.

Исходным пунктом построения М. Шелером своей этической доктрины является анализ и критика кантовской формальной этики. Главный её недостаток М. Шелер усматривает в том, что она «закрывает философии путь к учению о нравственных ценностях, построенному на конкретном усмотрении, но, тем не менее, независимому от всякого позитивного психологического и исторического опыта, к учению об иерархии этих ценностей и покоящихся на этой иерархии нормах; а тем самым – и к учению об утверждении нравственных ценностей в жизни человека, обоснованном истинным усмотрением» [5, с. 262]. По его мнению, только материальная этика ценностей, опирающаяся на феноменологический опыт, может открыть этот путь. Чтобы убедиться в этом, необходимо проверить все предпосылки формалистской и императивистской этики И. Канта, выявить её ошибочные положения и заменить их верными. Например, восстановить в правах ценностное чувство как объект этического познания. Это возможно только средствами феноменологии ценностного чувства, которую М. Шелер разрабатывает, отталкиваясь от философской программы Э. Гуссерля, распространяя её на области чувствования и этики. Одной из самых значимых целей, поставленных М. Шелером, является восстановление или новое обоснование материальной этики ценностей в противовес кантовскому формализму

в этике. Возрождение идеи объективного бытия ценностей и раскрытие их иерархии для М. Шелера представляется возможным благодаря феноменологическому методу и критике этического учения И. Канта.

Вдохновленный идеями книги о формализме М. Шелера, Н. Гартман в своём произведении «Этика» пишет, что возможность полноценной критики формализма становится возможной «...за счёт арсенала феноменологии. Покуда господствовало трансцендентально-субъективистское восприятие априорного, ему ошибочно придавался формальный характер. Лишь предметное восприятие того, что усматривается а priori, окончательно дает возможность понимания содержательного в принципах, а тем самым – и “материально априорного”, которое в ценностях имеет определяющее значение» [1, с. 169]. А. Щютц в своей статье «Шелеровская эпистемология и этика» отмечает: «Шелеровские гносеологические позиции... находятся в резком противоречии с философией Канта» [12, р. 155].

М. Шелер заявляет о намерении построить материальную этику ценностей, исходя из феноменологического опыта. Феноменологический опыт предполагает постижение априори через сущностное созерцание мира. Априори независимо от суждений или представлений созерцающего. Сами суждения становятся априорными постольку, поскольку находят исполнение в подобных созерцательных актах. Всеобщность и необходимость не являются существенными признаками априори. Априори не есть факт разума.

В противоположность И. Канту М. Шелер настаивает на необходимости отказаться от оппозиции априори и апостериори как не-опыта и опыта. В феноменологическом созерцании имеют место чистый опыт и опыт, опосредованный организацией носителей акта. Априори и апостериори есть два вида опыта. Априори не есть некоторая упорядочивающая или синтезирующая сила. Такое понимание априори связано с мифом о данности как хаосе ощущений.

Далее М. Шелером отмечаются связанные друг с другом заблуждения И. Канта: отождествление оппозиции априори-апостериори с противоположностью формальное-материальное; «отождествление “материального” (как в теории познания, так и в этике) с “чувственным содержанием”, а “априорного” – с “мыслимым” или с чем-то привнесённым “разумом” к этому “чувственному содержанию”» [5, с. 272-273]. Эти ошибки в объяснении априори основываются на следующих предрассудках: мир есть хаос ощущений; дихотомия разум-чувства; собственное враждебное отношение И. Канта к миру; смешение И. Кантом нравственного познания, нравственного поведения и философской этики.

Согласно М. Шелеру, сфера чувственного представляет собой многослойную структуру, где главными являются функции интенционального чувствования. В полемике с И. Кантом рождается одно из центральных понятий шелеровской аксиологии – материальное априори. Противопоставленное формальному априори, оно представляет собой непосредственное созерцание сущностей, освобождённое от логицизма, не зависящее от организации человеческих существ. Материальное априори может быть только усмотрено в феноменологическом созерцании. «Материей» такого созерцания может являться эмоциональная сфера. Эмоциональный, ценностный априоризм, постулируемый М. Шелером, должен рассматриваться не сквозь призму «мышления», интеллекта, а через понимание «логики сердца» или «порядка сердца», чьи правила не менее строги, чем законы мышления.

М. Шелер считает, что кантовское понятие разума бесосновательно ограничивает априори, в корне отождествляя его с «формальным». М. Шелер пишет: «...Отождествление “материального” (как в теории познания, так и в этике) с “чувственным содержанием”, а “априорного” – с “мыслимым” или с чем-то привнесённым “разумом” в это “чувственное содержание” является фундаментальной ошибкой» [Там же, с. 273].

По мнению М. Шелера, И. Кант ошибочно разделяет предпосылку сенсуализма. Через понятие «спонтанной акцептации» И. Кант развил свою мифологию продуктивной (эффективной) рациональной активности. И фундаментальная ошибка кантовской теории априори происходит как раз из-за этой мифологии. В связи с этим «“Форма”, которой ложно ограничивается А priori, есть или должна быть результатом “оформляющей деятельности”, “формирования” или “связывания”» [Там же, с. 284-285]. Подобное чисто конструктивистское объяснение не основано на интуитивном или феноменологическом опыте.

«Ненависть к миру» [Там же, с. 286] – ещё один из источников заблуждения. Из-за этой ненависти И. Кант классифицирует все важные чувства в этике (включая любовь и ненависть) как «неупорядоченный хаос» или область простой чувственности и поэтому исключает их как предметы этического исследования. Они как бы вычёркиваются из основоположений этики.

М. Шелер же следует основному требованию Ф. Brentano. Он полагает, что существуют низшие и высшие ценностные чувства и что между ними есть существенные различия. И. Кант, однако, маскирует это различие в фундаментальной дихотомии разума и чувств, которую М. Шелер называет ещё одним его заблуждением [Там же, с. 283]. М. Шелер согласен с кантовской критикой эпикуреизма и гедонизма в этике. Они оба полагали, что в эпикуреизме никогда не может быть области априори и что эпикуреизм в конечном счете всегда приводит к релятивизму и скептицизму в этике. Но М. Шелер не полностью отклонял отправную точку эпикуреизма, как это сделал И. Кант.

Развивая этику эмоций, М. Шелер пишет об эмоциональном априори, которое в этой исследовательской области становится синонимом материального априори. Согласно М. Шелеру, чувства являются не «неупорядоченным хаосом», а, наоборот, представляют структурированную область, в которой наблюдаются существенные различия в качестве и глубине чувствования [Там же, с. 283-285].

Говоря об априорном, сущностном законе в области чувства, М. Шелер противопоставляет кантовской «ненависти к миру» идею «живого контакта с миром» [Там же, с. 287], который может быть чувственным

или эмоциональным и в то же время – абсолютным и априорным. М. Шелер пишет: «...Эмоциональная составляющая духа, т.е. чувства, предпочтения, любовь, ненависть и воля имеют изначальное априорное содержание, которое у них нет нужды одалживать у “мышления” и которое этика должна раскрыть совершенно независимо от логики» [Там же, с. 282].

Подлинное априори абсолютно независимо от индуктивного опыта и, в общем, независимо от опыта эпистемологии. Скорее, наоборот, «существует сущностное видение актов и их материй, их фундирования и их связей. И там, и здесь существует “очевидность” и строжайшая точность феноменологического описания» [Там же, с. 284].

М. Шелер заявляет об априорном «порядке сердца» (*ordre du coeur*) или «логике сердца» (*logique du coeur*), которые абсолютно отличаются от «разума», соотносимого с логикой или логическим как таковым, и в первую очередь выражают «нелогический априорный аспект» человеческого чувствования. М. Шелер пишет: «...Ценностные аксиомы совершенно независимы от логических аксиом и ни в малейшей степени не представляют собой простые “применения” последних к ценностям. Наряду с чистой логикой существует и чистое учение о ценностях... Феноменологию ценностей и феноменологию эмоциональной жизни следует рассматривать как совершенно самостоятельную, независимую от логики предметную и исследовательскую область» [Там же, с. 283].

Таким образом, феноменологическая материальная этика ценностей М. Шелера основывается на чистой теории ценностей и феноменологии эмоциональной жизни. Создание априорно-материальной этики требует отказа от дуалистической гипотезы, согласно которой оппозиции «разума» и «чувственности» достаточно, чтобы определить способ существования человеческого духа. Принципиальная позиция М. Шелера заключается в отмене этой дуалистической позиции «или-или». Постулируя свою материальную этику ценностей, он стремится снять эту оппозицию. Он разрабатывает идею «эмоционального априоризма» и этику эмоционального априори, которые не отвергают связи и с такой эмпирической этикой эмоций как эпикуреизм, и с такой абсолютной априорной этикой разума как чистая критическая этика И. Канта.

Согласно М. Шелеру, И. Кант в своей теории «явно не видит круга *фактов*, на который должна опираться априорная этика...» [Там же, с. 266]. «Рациональные факты», к которым обращается И. Кант, чтобы продемонстрировать свою этику, беспочвенны, безосновательны. М. Шелер спрашивает: «В чем различие между “фактами чистого разума” и просто психологическим фактом?» [Там же, с. 265]. Отказавшись от «феноменологического опыта» или усмотрения сущностей, И. Кант лишил себя возможности ответить на этот вопрос. В основание своей феноменологической этики М. Шелер кладёт понятие «феноменологических или чистых фактов», которые подразумевают «материальное априори», данное в феноменологическом опыте, или усмотрение сущностей. При этом «материальное априори» содержит три различных, но взаимосвязанных вида априори: априори акта, априори фактического содержания актов и априорные сущностные связи актов с их фактическим содержанием. Эти три вида априори образуют материальное априори, поскольку в них нечто может быть дано как «материя созерцания», как «материал» феноменологического опыта. Поэтому на уровне этического познания М. Шелер говорит об эмоциональном априори, ценностном априори (которое схвачено в эмоции) и соответствующем эмоционально-ценностном априори (или априорности эмоция-ценность).

Все эти критические положения, вытекающие из анализа М. Шелером формальной этики И. Канта, находят свою прочную опору в понимании человека как носителя ценностей, который находится в постоянном, живом контакте с миром. Это позволяет М. Шелеру разрабатывать концепцию существования независимого ценностного мира с априорными иерархическими отношениями между ценностями, концепцию, которая помогает объяснить соотношение чувства ценности и его объекта. Свое отношение к миру человек строит, осуществляя акты предпочтения или отвержения ценностей, высшие эмоциональные акты любви и ненависти, ориентируясь на независимый от него мир ценностей, объективность которых определяется их собственными сущностными связями. Именно в актах предпочтения постигаются, усматриваются иерархия, «высота», градация ценностей.

Список литературы

1. Гартман Н. Этика / пер. с нем. А. Б. Глаголева; под ред. Ю. С. Медведева, Д. В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2002. 707 с.
2. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика: учебник. М.: Гардарики, 2007. 472 с.
3. Земляной С. Н. Феноменология и этика // Этическая мысль. М.: ИФ РАН, 2004. Вып. 5. С. 172-199.
4. Молчанов В. И. Исследования по феноменологии сознания. М.: Территория будущего, 2007. 456 с.
5. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с.
6. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / пер. с нем. А. Н. Малинкина. СПб.: Наука; Университетская книга, 1999. 231 с.
7. Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль: монография. М.: Изд-во РУДН, 2006. 457 с.
8. Frings M. Person and Self-Value: three essays. Martinus Nijhoff Publishers, 1987. 224 p.
9. Henckmann W. Materiale Wertethik // Geschichte der neuen Ethik / hrsg. von A. Piper. Tübingen – Basel: Francke, 1992. Bd. II. S. 82-102.
10. Kelly E. Material Ethics of Value: Max Scheler and Nicolai Hartmann. Springer, 2011. 254 p.
11. Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Leipzig: Elibron Classics, 2007. 620 S.
12. Schutz A. Max Scheler's Epistemology and Ethics: collected papers III. The Hague: Nijhoff, 1966.

MAX SCHELER'S CRITICISM OF KANTIAN FORMALISM IN ETHICS

Alkhasov Alysh Alkhasovich
Lomonosov Moscow State University
alysh_alkhasov@mail.ru

The article discusses M. Scheler's criticism of formalism in I. Kant's ethics. The development of a new theory of values on phenomenological basis unfolds against the background of the critical analysis of the premises, or, how Scheler himself calls them, myths or errors of I. Kant's theoretical philosophy and formal ethics, which close the door to the doctrine of pure axiology. The criticism of formalism in ethics is a basis for developing axiological doctrine proper that discovers new understanding of the value and emotional world of a human being.

Key words and phrases: M. Scheler; I. Kant; ethics; axiology; values; material ethics of values; emotional a priori; material a priori.

УДК 7

Искусствоведение

Статья содержит исследование ранее не опубликованных материалов, архивных документов, касающихся истории создания церкви Воскресения Христова (1742-1753 гг.), дворцово-паркового комплекса в Лефортово. Автором исследуется проблема взаимодействия заказчика и архитектора при создании проекта, рассматриваются композиция, декор, аналогии, выдвигается достоверная версия художественной преемственности в создании культовой архитектуры первой половины XVIII века.

Ключевые слова и фразы: секуляризация церковного зодчества; московская гофинтендантская контора; елизаветинское барокко; процессы формообразования в культовой архитектуре; ленточные наличники; зальные оконные проёмы.

Антонова Светлана Алексеевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
ms.tigradze@mail.ru

**АРХИТЕКТОР А. П. ЕВЛАШЕВ И ЦЕРКОВЬ ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА
В ГОЛОВИНСКОМ ДОМЕ В ЛЕФОРТОВО®**

Основная проблема при исследовании формообразования культовой архитектуры периода барокко в Москве – заказчик и архитектор. Профессиональная деятельность архитектора первой половины XVIII века А. П. Евлашева протекала в архитектурно-строительной организации – «Московской гофинтендантской конторе» [6, с. 281-283]. Она была вторично образована при императрице Анне Иоановне в 1730 году и выполняла заказы императорского дома. Деятельность конторы продолжалась и при правлении императрицы Елизаветы Петровны. Алексей Петрович в силу органичного принятия иерархии, существующей для дворянского сословия в отношении к представителям императорской власти, безоговорочно выполнял их пожелания и в творческой, и в практической работе. Эта особенность деятельности А. П. Евлашева явилась одной из немаловажных причин формирования индивидуального стиля архитектора и определила новое в определении сторон взаимодействия: заказчик – это императорская особа, а архитектор – представитель гофинтендантской конторы.

По заказу императрицы Елизаветы Петровны в 1748 году в Лефортово начала возводиться А. П. Евлашевым Церковь Воскресения Христова. Она стояла на берегу канала возле Зимнего Анненгофа, была связана с дворцом переходами. История бытования домовая дворцовая церковь Воскресения Христова отдельным объёмом была изложена ранее [11, с. 419; 17, с. 350]. Мы дополним материал о её возникновении в дворцово-парковом ансамбле Лефортово по вновь обнаруженным архивным документам и другим источникам. Иван Забелин пишет: «В половине сентября в нём (Зимнем Анненгофе, 1730 год) топили уже печи и устраивали домовую церковь, для которой иконостас и царские двери взяты из бывшей церкви при хорах царяцы Натальи Кирилловны, воиная Петра и Павла, а различная утварь была взята из старых дворцовых церквей» [13, с. 406]. О посвящении этой домовая церкви свидетельствует следующий документ: дело 1731 года «Копия с указа за подписанием С. А. Салтыкова Дворцовой канцелярии о назначении жалования священнику и церковному притчу церкви, что в новопостроенном Кремлёвском дворце, что близ Цейхгауза, Воскресения Христова» [20, д. 35295]. О том, что она была во дворце, говорит нами обнаруженная «Опись в доме Ея императорского величества придворной церкви Воскресения Христова 1732 года 6 января» [Там же, д. 35319, л. 3 – 3 об., 4]. По описи Кремлёвского Анненгофа в книге Ольги Сергеевны Евангуловой «Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII века» мы узнаём о её наличии и расположении: «Церковь, в ней стены и потолок обиты холстом, печь живописная... трое двери... шесть окончин в штабель, в них четыре окончины двойных. В оном зале паникадил деревянных резных двадцать два вызолочены золотом. При оном зале дежурная передняя... Подле оной прихожая от церкви... Против оной прихожей сени... другие сени... наверх